

СТРАТЕГИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Индустриальная фаза развития, переживаемая человечеством на рубеже третьего тысячелетия, подходит к своему логическому концу. Промышленная экономика оказалась обречённой быть кредитной: расширение производства, создание новых товаров и услуг, освоение новых рынков сбыта требует предварительных капиталовложений. Товар обретает стоимость раньше, чем полезность. А принесут ли вложенные капиталы прибыль, и когда они её принесут – это ещё большой вопрос. Рост производства к тому же не может превышать ставки рефинансирования. Следовательно, всякое развитие неизбежно ведет к инфляции. Поэтому индустриальная экономика нуждается в свободном, не охваченном еще промышленной мегаструктурой производства-потребления, пространстве. К началу нового тысячелетия это пространство оказалось исчерпано. С середины 70-х годов XX века наблюдалось медленное падение производительности капитала, рост нормы эксплуатации в передовых промышленно-развитых странах Запада и Востока. Всё это формально указывало на наличие системного кризиса индустриальной фазы развития.

Осознавая это, группа Форрестера поставила тогда задачу создания нового рынка – рынка ресурсосберегающих и природоохранных технологий. Ёмкость этого рынка оказалась достаточно велика, и его хватило на 25 лет. Но сегодня она также близка к исчерпанию.

Глобализация также есть проявление системного кризиса. Смысл её вполне очевиден – стремление предельно снизить транзакционные издержки во имя вовлечения в индустриальное производство/потребление последних остатков свободного экономического пространства. Но, в свою очередь, глобализация привела к кризису национальных государств, которые изначально были базовой структурой для индустриальной экономики. Ответом на глобалистский вызов стали различные общественные движения: «зелёные», «антиглобалисты», «интегрисы».

Формально есть два выхода из системного кризиса.

Во-первых, космическая экспансия с освоением сопредельных с Землёй космических объектов (планет, спутников, астероидов и т. п.). Цивилизация в итоге получает в свое распоряжение Солнечную систему (а в очень далёкой перспективе и Галактику) и возможность развиваться сколь угодно долго в рамках индустриальной фазы. Нали-

чие естественного спутника у планеты Земля на сравнительно низкой орбите делает такой вариант развития событий потенциально возможным. Но, с другой стороны, такая сверхцивилизация должна быть ориентирована на познание, как высшую трансцендентную ценность. Мы же можем констатировать прогрессирующую утрату единого образовательного стандарта, медленное, но неуклонное снижение образовательного уровня, количественное уменьшение высококвалифицированного человеческого ресурса и рост малоквалифицированного персонала.

Станислав Лем в работе «2002. Сумма технологий» сделал философский вывод, что уровень технического развития, поддерживаемый индустриальной фазой, недостаточен для включения космического пространства в экономический кругооборот.

И действительно, с начала 70-х годов космонавтика находится в кризисном состоянии: объёмы грузопотока «Земля-Космос» не растут (примерно 150 тонн в год), замедлены или вообще прекращены разработки новых транспортных и пилотируемых космических систем. Большая часть таких систем создана на базе их военных аналогов, разработанных ещё на заре космической эры. Ракеты-носители, призванные заменить аппараты предшествующего поколения (советские «Зенит», «Энергия», американские «Атлас-5», «Дельта-IY», европейский «Ариан-5»), не содержат принципиальных новшеств, меняющих их технические характеристики. Новые системы, основанные на качественных изменениях (американские «Дельта Клипер», «Венчур Стар», европейские «Хотол», «Зенгер»), так и не были доведены до завершения.

В итоге космические корабли не могут решить какие-либо тактические задачи, кроме обеспечения полёта. Достаточно напомнить, что пока в космосе могут работать не более 13 человек одновременно (6 на международной космической станции, 7 на «Шаттле»).

И если в XXI в. сохраняются нынешние тенденции развития космонавтики, то она никогда не станет значительной частью мирового хозяйства, а без этого и само мировое хозяйство не сформируется в ближайшие десятилетия. Ведь всё идёт к тому, что затраты на восстановление окружающей среды вскоре превысят суммарный объём валового национального продукта всех стран. При самых оптимистических прогнозах развития космической техники она не сможет в ближайшие сто лет обеспечить достаточную связь между земной Метрополей и космическими колониями

Более реален второй выход – преодоление постиндустриального барьера и прорыв в когнитивную фазу. При этом важнейшая роль отводится образованию.

Осознание важности этого фактора для человеческой личности произошло в

нашей стране ещё в конце 50-х годов XX в., когда начал реализовываться космический проект. Тогда возникла схема успеха: «школа с медалью – институт с красным дипломом – хорошая работа – карьерный рост». Но уже через 10 лет схема начала давать сбои. В качестве причины этого указывают переизбыток научных кадров. Однако никогда научный ресурс не может быть избыточным! На самом деле СССР оказался не в состоянии выработать стратегию, конвертирующую образование в развитие.

С конца 70-х годов начинается прогрессирующее падение спроса на молодого специалиста, что привело к кризису высшего образования.

Надо отметить, что высшее образование, как социальный институт, дающий профессиональную подготовку, уже не функционирует: согласно разным статистическим данным лишь от 5 до 20 процентов выпускников российских вузов работают по специальности.

Оптимизм может внушить появившийся в последние годы тренд: представители малого и среднего бизнеса, администраторы и управленцы стремятся к получению высшего образования в рамках осуществляемой ими деятельности. Выстраивается новая схема: «школа – работа – карьера – университет».

Современное образование нуждается в кардинальном изменении, так как

- 1) оно не обеспечивает карьерного роста и потому мало востребовано;
- 2) оно ориентировано на подготовку специалистов среднего уровня, тогда как рынок рабочей силы нуждается преимущественно либо в неквалифицированном труде, либо в профессионалах высшего класса;
- 3) его функция, интегрирующая личность в социум, перешла к телевидению, журналам, рекламе;
- 4) его эффективность, как системы получения информации, неуклонно снижается, так как у молодёжи резко снизилась познавательная активность.

Именно последняя проблема представляется самой важной. В СССР познавательная активность снижалась обычно в 12-13-летнем возрасте. Сейчас же уже в начальной школе учителя сталкиваются с совершенно безразличным отношением к учёбе у многих детей.

С учётом того, что начальная школа находится в самом основании образовательной пирамиды, то системный сбой на этом уровне разрушает всё образование в целом и зачёркивает целую группу образовательных стратегий.

Выходом из создавшегося положения представляется привнесение рефлексии в контур образования, что особенно важно для высшего образования.

Современная школа знакомит ученика с определённым набором мифов, ничего общего не имеющего с реальной жизнью. Лишь отдельные навыки, полученные в средней школе, могут оцениваться как некий конечный продукт. Во время учёбы в ВУЗе школьное знание подлежит полному переосмыслению. И дело вовсе не в том, что в средней школе – плохие учителя, плохие учебники или плохие учебные программы. Мир и процессы в нём происходящие настолько сложны, что объяснить их в рамках средней школы (где учат всему и сразу), не упрощая и не примитивизируя, просто не представляется возможным.

Придя в ВУЗ, студент по инерции остаётся в позиции ребёнка, а преподаватель по отношению к нему – в позиции родителя и наставника. С одной стороны, преподаватель имеет возможность учить студента «не всему и не сразу», пользоваться навыками, полученными студентом в школе, извлекать из заученных в школе мифов рациональные знания. Но с другой стороны, только к концу обучения в ВУЗе студент начинает понимать различие реальности и мифов и приобретать умение ориентироваться в этой реальности.

Начав работать, человек начинает понимать, что многое из того, что ему преподавали в ВУЗе, ему совершенно не нужно, и в то же время то, что он порой проигнорировал – совершенно ему необходимо. Таким образом, парадокс высшего образования – лишь имея высшее образование, человек может осмысленно его получить, то есть встать по отношению к своему ВУЗу в рефлексивную позицию. Теперь он видит всю картину в целом и понимает, какие элементы её особенно важны.

Следовательно, возникает новая схема второго (повторного) образования. При этом имеется в виду не сегодняшняя практика курсов повышения квалификации и не практика, когда студент одновременно получает два высших образования, а новое прохождение курса, или иного курса, или курса, смешивающего несколько образовательных модулей.

Стратегия образования в таком случае приобретает деятельный подход и определяется схемой: «средняя школа – ВУЗ – работа – второй ВУЗ – карьера». В рамках этой формулы образование рассматривается не как дополнительный контур системы обеспечения социальной стабильности, но как часть системы деятельности. Человек, вернувшийся в систему образования после погружения в систему деятельности, с реальными, а не выдуманными взаимоотношениями, с правами и обязанностями уже не ребёнка, но взрослого человека, хорошо понимает, что ему нужно от учёбы. Его позиция по отношению к системе образования становится рефлексивной.

Конечно, такая система громоздка, но кадровая политика когнитивного общества подразумевает необходимость повторного высшего образования.

Современная школа вынуждена работать с компетенциями (единство способности к действию, правомочности к совершению этого действия и нахождения в каноническом пространстве этого действия), но не с квалификациями (система навыков, позволяющая совершать качественную работу). При том всякое новаторство есть некомпетентность по определению.

Заданная же концепция когнитивного образования ведет к тому, что внедрение инновации есть форма образования: превращение некомпетентности в компетентность. Таким образом, деятельный подход к образованию позволяет замкнуть друг на друга образовательную и инновационную стратегию общества.

Говоря о стратегии развития высшего образования, нельзя не учитывать, что в современную «пограничную» эпоху общество столкнулось с появлением нового типа мышления, наряду с архаичным (традиционное общество) и устоявшимся (индустриальное общество). Мышление становится фрагментарным (неспособность сконцентрироваться на конкретном предмете), вневременным, внепространственным, внемасштабным. Утрачивается всякая способность к перспективному планированию, а порой и к деятельности вообще.

Это подразумевает необходимость соотнести стратегию высшего образования с формирующимся мышлением. Вместо монолога преподавателя или диалога преподавателя с учеником (современная модель развивающего обучения) предлагается конференция (рефлексивная игра), как организационная мыследеятельность, в которую вовлекаются все участники учебного процесса.

Главную задачу современного образования можно определить как трансформацию индустриальных характеристик (способность, квалификация, компетенция) в постиндустриальную категорию человеческого капитала.

А человеческий капитал предполагает не только способность человека совершать какую-либо работу (производить стоимость), но и то, что он может быть инвестирован.